

4. Конев А. Приоритеты культуры Югры // УрФО. 2005. № 3-4. С.52-53.
5. Гуца В. Культура Ямала: приоритеты и ценности // УрФО. 2005. № 5-6. С.58-61.
6. Ветрова Н. Ветер перемен и паруса культуры // УрФО. 2005. № 5-6. С.88-89.

Лаврова И.А.
(Сургут)

Беспризорность на Урале в первой половине 1930-х годов

Проблема беспризорных детей с особой остротой возникла в конце XIX — начале XX веков, когда в России фиксируются модернизационные процессы, происходит ломка традиционного уклада жизни, формируется индустриальное общество. На первой фазе модернизационного перехода, который в России охватил первую половину XX века, наблюдаются всплески огромного роста детской беспризорности и безнадзорности. В исторической литературе отмечалось, что проблема беспризорных детей с особой остротой возникла в России в годы бедствий, связанных с войной, голодом, эпидемиями и другими общественными потрясениями. На наш взгляд, объективными факторами беспризорности была трансформация социально-экономической, политической, демографической, духовной сфер жизни российского общества. Одной из важнейших причин беспризорности являлось разрушение традиционного семейного быта, традиционного уклада жизни.

Беспризорность 1920-х годов в Советской России, изученная больше других периодов, имела объективные причины, связанные с Первой мировой и Гражданской войнами, революционными потрясениями, эпидемиями, огромными перемещениями населения, голодом 1921-1922 годов. Беспризорность 1930-х годов - порождение нового строя, результат социально-экономических и политических преобразований конца 1920-х - 1930-х годов. Эта страница истории, в советской историографии долго замалчивалась.

О причинах, размахе детской беспризорности и борьбе с ней в начале 1930-х годов свидетельствуют исторические источники, хранящиеся в архивах: материалы обкомов ВКП(б) и ВЛКСМ Урала, областного отдела народного образования, органов внутренних дел и социального обеспечения. Анализ документов приводит к выводу, что главными причинами беспризорности в этот период стали, во-первых, индустриализация и коллективизация, сопровождавшиеся раскулачиванием крестьян, огромными миграциями и гибелью населения; во-вторых, голод 1932-1933 годов; в-третьих, массовые политические репрессии. Беспризорные дети заполнили крупные города, стали не только живым укором, но и доставляли немало хлопот медицинским работникам и милиции. Дети оставались без дома, бежали из специальных учреждений, детских домов. Все это свидетельствовало о неблагополучии

внутри общества.

Активное хозяйственное освоение Уральского региона вызвало огромный приток населения, одни приехали по своей воле, другие были перевезены насильственно. Занимая выгодное географическое положение, Урал становился "срединно-союзной индустриальной оборонной базой" страны.. Урал стал и одним из основных регионов размещения раскулаченных, спецпереселенцев, которые заполняли недостающие рабочие места на строительстве промышленных гигантов и на лесозаготовках. В докладе о медико-санитарном обслуживании спецпереселенцев Уральской области от 1 ноября 1931 г. говорилось о наличии 573,3 тыс. человек (1). По сведениям историка Г.Я. Маламуда, количество спецпереселенцев на территории Урала составило в 1932 г. - 490 тыс. человек, в 1933 г. - 384,6 тыс., в 1934 г. - 375 тыс. (2). В 1938 г. на территории Пермской, Свердловской и Челябинской областей численность спецпереселенцев составила 229 тыс. человек, в 1939 г. - 230,6 тыс., в 1940 г.-237,3 тыс. (3).

Спецпереселенцы стали одним из основных источников рабочей силы для проведения индустриализации Урала. В кратчайшие сроки в регионе было построено более 400 предприятий. Основным местом применения труда спецпереселенцев традиционно были лесозаготовки в северных малообжитых районах Уральской области. По сведениям ОПТУ на 7 января 1931 г. на "лесозаготовках было занято 81% спецпереселенцев (4). Низкое качество жизни, тяжелейшие условия труда приводили к высокой смертности спецпереселенцев. Детей сосланные родители старались оставить в городах, на железнодорожных вокзалах.. Огромное количество детей осталось на улице. Они вынуждены были просить подаяние, чтобы не умереть от голода. В 1930, 1931 годах принимались постановления властей о полной ликвидации беспризорности. Однако решить проблему не смогли. В 1932 - 1934 годах на Урале фиксируется «рецидив детской беспризорности». Достаточно отметить, что на территории Свердловской области (в административных границах 1934 г.) число детских домов (нормального типа, для трудных детей, детские приемники) только за 1932-1933 годы увеличилось с 116 до 150 (рост на 29,3%), а количество детей в них выросло с 13,2 тыс. до 24,6 тыс. (рост на 86,7%) (5). То есть два года произошло резкое увеличение количества детских домов для беспризорных и безнадзорных детей.

Детские дома, как свидетельствуют источники, находились в тяжелых условиях. В докладной записке о состоянии борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью (август 1932 г.) отмечалось, что "строительство детских домов не ведется... Большинство помещений совершенно заброшены и жилая площадь на одного ребенка сокращена до такого предела, что совершенно не обеспечивает нормальную жизнь воспитанников" (6). Крайне нищенской была их материальная база. Государственные ассигнования как на содержание, так и на питание воспитанников, их обучение далеко не соответствовали нуждам. Воспитателей было мало, получали они низкую зарплату. В докладной отмечалось, что "Тагильский детприемник на 35 человек закрыт, так как оставаясь долгое время без руководства

(не было даже заведующего), развалилась не только воспитательная работа, но пришло в негодность, и само здание. Выбиты стекла, все поломяно, побито, расхищен и попорчен весь; инвентарь" (7). Питание было организовано "...неудовлетворительно. В целом ряде районов - Верхотурье, Оханск, Чердынь, Исеть, Чусовая, Суксунский, Каменский и др., дети получают 300-400 грамм хлеба и чашку капустного супа в день". В документе отмечены и причины тяжелого положения в детдомах: "1. Существующая в настоящее время норма расходов на питание - 6, 7 руб. в месяц чрезвычайно низка; 2. Благодаря халатному отношению местных снабжающих организаций и эти минимальные, нормы выдаются несвоевременно; 3. Во многих районах процветает разбазаривание продуктов со стороны администрации детучреждений" (8). О детском приемнике в Тюмени из источнике говорится, что "...рабснаб включил в снабжение всего 60 ребят. На них выделяется в день 300 грамм хлеба и похлебка. Но и эти 300 грамм ребята не получали, так как фактически в приемнике находится не 60, а 80 человек. Таким образом, трое детей из своего скудного пайка уделяли еще четвертую порцию. Нет ни обмундирования, ни постелей, дети спят на голых досках, частью на рваных матрасах. Новых ребят туда привозить нельзя, так как это значит еще больше увеличить недоедание и стимулировать побег ребят из приемника" (9). В записке помощника прокурора г. Свердловска отмечалось, что в декабре 1932 г. - январе 1933 г. резко ухудшилось снабжение продуктами детских учреждений. Рейд по проверке состояния снабжения, который проводил городской комитет комсомола, показал, что во всех районах города детские учреждения находятся "в самых тяжелых материальных условиях. Полагающиеся продукты: мука, крупа, мясо и др., в частности жиры, систематически снабжающей их специально-бытовой базой Свердловска и в большом количестве не доходят, а выдаваемые же продукты отпускаются с большими перебойми и в большинстве своем с большими опозданиями, обычно начинают выдаваться с середины или даже в конце месяца, благодаря чего получается срыв в снабжении. Имеет место, когда дети детсадов, ясель и детдомов сидят целыми сутками не евши, что зачастую создает различного рода заболевания и даже имеет место в связи с-наличием полуголодного состояния случаи смертности от истощения" (10). Всё это можно объяснить тяжелой обстановкой в полуголодном регионе.

Основным источником пополнения беспризорников были дети раскулаченных, спецпереселенцев. Уральский облисполком в своем постановлении в сентябре 1933 г. констатировал "наличие огромного роста детской беспризорности среди спецпереселенцев (989 человек в 1931/32 г., 8 тыс. человек в 1932/33 г.) и вследствие этого - резкое увеличение контингентов по детским домам и организация новых детских домов, в менее приспособленных и совершенно на оборудованных помещениях" (11). В докладной записке УралОНО за 1932 г. сообщалось, что 50% принятых в детские дома - дети спецпереселенцев (12). Для размещения огромной массы беспризорных детей спецконтингента были созданы новые детские дома в наиболее насыщенных районах "кулацкой ссылки". Так, дополнительно к имевшимся детским учреждениям Верхотурского района были разме-

щены 800 детей, перевезенных из Надеждинского района, и 850 детей спецпереселенцев из разных районов. Управление Востоклеса открыло дополнительно детские дома на 1300 мест. К концу 1933 г. на территории Урала находилось 102 тыс. беспризорных-спецпереселенцев (в эту цифру не вошли не охваченные социальной помощью дети, т.е. "уличные беспризорные") (13).

К концу 1934 г. на территории Свердловской области насчитывалось 15,8 тыс. детей спецпереселенцев. Из них охвачено детскими домами было лишь 9 тыс. человек (14). Колоссальный прирост беспризорников произошел не только из-за наплыва спецпереселенцев, но и связан с рядом других факторов. В докладной записке РКИ сообщалось, что "детская уличная беспризорность растет за счет детей-спецпереселенцев, детей, брошенных родителями и родственниками, переезжавшими из района в район в связи с паспортизацией, проходящей в промышленных городах Урала, а также беспризорниками, приехавшими на Урал из других областей и республик Союза" (15).

Победить беспризорность на Урале в первой половине 1930-х годов не удалось. Условия их появления были настолько мощными, что предпринимаемые меры властей и общественности оказывались недостаточными. Более того, чтобы ситуация не вышла из-под контроля и не захлестнула города страны, в 1934 г. был принят закон "О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних", а 31 мая 1935 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассмотрели меры по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности.

1. ЦДООСО. Ф.4. Оп.9. Д.218. Л.289.

2. Маламуд Г.Я. Генезис системы принудительного труда в СССР и Уральском регионе (1920-1930 гг.) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. Н.Тагил, 1997. С.64.

3. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.1. 1900-1939 гг. М., 2000. С.292- 305.

5. ГАСО. Ф.321. Оп.1. Д.23. Л.8; ЦДООСО. Ф.61. Оп.1. Д.793. Л.191.

6. ЦДООСО. Ф.61. Оп.1. Д.793. Л.192.

7. ГАСО. Ф.245. Оп.1. Д.2106. Л.17.

8. ЦДООСО. Ф.61. Оп.1. Д.793. Л.192.

9. ГАСО. Ф.245. Оп.1. Д.2106. Л.19.

10. ЦДООСО. Ф.161. Оп.1. Д.275. Л.86. 11. ГАСО. Ф.245. Оп.2. Д.171. Л.107.

12. Там же. Л.104.

13. ГАСО. Ф.245. Оп.1. Д.2106. Л.7; Оп.2. Д.171. Л.105.

14. ГАСО. Ф.321. Оп.1. Д.23. Л.38.

15. ГАСО. Ф.245. Оп.2. Д.171. Л.107.